

Сердце Зверя

Автор:

Евдокия Гуляева

Сердце Зверя

Евдокия Гуляева

Он – Зверь – стал моей бесконечной зависимостью, дикой страстью, сумасшедшей одержимостью и... моим проклятием. Я – стала его сердцем. Слабым местом в, казалось бы, непробиваемой броне этого циничного и жестокого человека, стала его даром и наказанием. Приняв его жизнь, я окончательно и бесповоротно изменила свою, полностью растворившись в нем. Правильный ли выбор я сделала? Я узнаю об этом очень скоро, сейчас еще не предполагая, как жестоко обойдется со мной судьба...

Современный любовный роман. Вторая книга дилогии.

Евдокия Гуляева

Сердце Зверя

Пролог

Все растворилось в одном глубоком взгляде в его глаза, в глаза, которые были для меня той самой бездной, пропастью, в которую я так боялась упасть.

«Готова ли я броситься в нее снова? Раствориться в его жестокости, принять весь хаос его жизни?»

Я стояла, смотрела на него и не могла сделать вдох, пошевелиться, не в силах отвести от него глаза, боясь, что как только я сделаю это – он просто исчезнет, вновь уйдет из моей жизни.

Он молчал в ответ, хаотично шаря своими глазами по моему телу, изучая мою реакцию на него, запоминая, нет, вспоминая каждую черточку моего лица, фигуры. Смотрел и все больше хмурился, лишь слегка с недовольством покачивая головой. Знаю, что немного похудела за эти дни, хотя, к чему лукавить, похудела сильно. Наверняка в его глазах я выглядела сейчас скорее болезненно, нежели стройно. Эта я, новая, худая, с измученным переживаниями изможденным лицом, стоящая перед ним сейчас, наверняка, напомнила ему ту нашу первую встречу, по ироничной случайности, здесь же, в этом клубе. От воспоминаний о той встрече и похожести ситуации, улыбка слегка тронула мои губы.

Молчание затягивалось и начинало давить на меня. Я попыталась разомкнуть губы и сказать ему как сильно скучала, но они не слушались меня и продолжали молчать.

Я не могла понять его бездействия.

«Он пришел за мной? Или...»

Вот это «или» изводило меня! Все мое тело превратилось в комок нервов. Оголенных, смотанных в плотный живой клубок. Они терлись друг о друга, касались, вызывая во мне очень противоречивые чувства. Я страшилась того, что он сейчас просто развернется и уйдет, поэтому хотела сорваться с места, подбежать к нему, обнять, крепко-крепко к себе прижимая, надеясь на то, что этот мой порыв не позволит ему снова уйти. Уйти без меня... Другая Я продолжала заставлять меня сейчас стоять не двигаясь, мешая, не давая сделать к нему навстречу даже шага! Она, вторая, чувствовала, что находится на самом краю той черной, манящей пропасти. Оставалось сделать лишь шаг... Единственный шаг в бездну, который и станет решающим и судьбоносным в моей жизни.

– Маленькая...

Его тихий голос разбил вдребезги мою оледенелую душу, расколол ее... и снова притянул эти осколки назад к себе, как магнитом, вызывая во всем теле боль, но и наслаждение этой болью. Одно слово, сказанное им, и меня прошиб жар воспоминаний... Оно добралось до моего сердца, лаская, залечивая нанесенные им же не так давно, рваные дыры на нем.

Я наслаждалась его обращением ко мне. Мне было мало его голоса. Я хотела еще и еще раз слышать, как он шепчет мне его «маленькая»... Но, несмотря на все свои желания, я смогла только прохрипеть из-за пересохшего от волнения горла:

– За что?

Этот короткий вопрос мелькал в моей голове все эти недели, что я прожила без него. Там были тысячи, сотни тысяч разных вопросов, но я выбрала самый простой, который не давал мне жить, изводя, мучая меня, не давая мне спать ночами. Я стояла в ожидании его ответа, впиваясь ногтями в свои ладони, не давая себе сорваться с места и сделать шаг к нему навстречу.

Все эти дни я так бредила этой встречей! Так искренне желала... и, в то же время, так безумно боялась ее.

– Ты. Нужна. Мне.

Еще один весомый удар по той гранитной выстроенной стене, которую мы сами возвели между нами, кидаясь в друг друга словами, как камнями. Всего три слова, сказанные им, выбили почву из-под моих дрожащих от волнения ног, вызывая тихий, хриплый, жалобный стон из моей груди.

– Ты врешь мне! – у меня вырвались злые слова, в ответ на его признание.

Эти слова, сказанные мне, были так нехарактерны для него! Как будто это не он, а кто-то другой произнес их его ртом! Он воспользовался запрещенным приемом, ударяя меня ими в самую болезненную точку – мое сердце, на котором, до сих пор, незажившим шрамом, осталось его имя, выжженное брошенными две недели назад жестокими словами.

– Зачем, в таком случае, я здесь? К чему мне врать тебе?! – уверенно спросил он.

– Наверное затем, что тебе понравилось унижать меня! – зло выкрикнула я, вспоминая ту боль, которую я пережила, когда он вышвырнул меня из своей жизни.

Мои слова повисли в воздухе липкой черной вязкой субстанцией, прямо между нами... Казалось, что я физически видела их, могла до них дотронуться, почувствовать их скользкую неприятную материю.

Это говорила не я! Это боль, обида и злость на него кричали за меня!

– Смотри! – развела руками я. – Наслаждайся, глядя на меня! Поздравляю, ты добился своего! Ведь это уже не я, а лишь жалкая тень меня прежней... Ты же так хотел залезть в мою душу, забрать ее себе! Так она уже твоя. У меня больше ничего не осталось! Мне просто нечего тебе дать! Я не живу, а лишь существую теперь без тебя! Зачем я тебе такая? Сломленная, изломанная тобой кукла, без души... – слезы потекли по моим щекам, вместе с жестокими словами – ответами.

Я так хотела, чтобы он пришел за мной, а когда это случилось, оказалось, что я не была к этому готова.

– Ты. Нужна. Мне.

– Нет!!! – закричала я. – Не надо! Я не хочу это слышать!

Я зажала уши руками, опустив голову вниз, пытаюсь отгородиться от осознания его слов. Они били меня. Били снова, только это были еще более ощутимые удары, к которым я была сейчас совершенно не готова.

– Отпусти меня... – простонала я.

Еще полчаса назад, когда Сергей предлагал мне уйти, я осталась, казалось бы, сделав свой окончательный выбор. Но сейчас, видя Сашу, стоя прямо перед ним, слыша его слова... я вновь возжелала свободы от него.

– Я не могу! Почему ты не видишь этого? Не могу! – рыкнул он, едва сдерживаясь от ярости, вызванной моими словами.

Он сделал два быстрых шага ко мне и опустился передо мной на пол, уткнувшись головой в мои колени...

Я никогда не предполагала, что увижу моего Зверя преклоненным, вот так, на коленях возле меня. Я слышала его рваные вдохи и выдохи. Он молчал, не поднимая головы, признавая свою слабость.

Я боялась опустить руки, страшась коснуться его. Ведь ничего не изменилось! Я до дикости желала его. Сейчас, стоя рядом с ним, я каждой клеточкой своего тела впитывала знакомый запах сандала, исходивший от него. Такой родной, такой необходимый, без которого я все это время не могла дышать нормально. Как наркоманка, зависимая, пыталась вновь и вновь ощутить его. А когда получила – вдыхала жадно, полной грудью, боясь, что это в последний раз.

Моя реакция на стоявшего передо мной на коленях мужчину только усилилась. Низ живота сразу же откликнулся тупой ноющей болью на его близость, буквально изнывая, пульсируя от пустоты.

Он, не поднимаясь, посмотрел прямо на меня, пытаюсь прочесть хоть что-то в моих глазах.

Я видела, как осунулось его лицо, усталость, обреченность блестели сейчас в его черных глазах. Столько нерешительности в них я видела впервые! Расширенные зрачки сейчас говорили мне за него, выдавая его с головой. Я буквально видела все бессонные ночи и одиночество, которые измучили его.

Я до безумия захотела прикоснуться к его небритой щеке, ощутить ее несовершенство, колючую неидеальность этого мужчины, до сих пор поражавшим меня своей безупречностью. Но я не могла заставить свое тело слушаться меня! Зная, что как только прикоснусь к нему, ощутив его тепло, дороги назад для меня уже не будет.

Я не могла найти в себе силы разбить эту возведенную нами стену боли, страха и отчуждения.

– Ты. Нужна. Мне. – еще раз, чуть слышно, глядя мне прямо в глаза.

Как ножом по сердцу!

Я понимала, что он пытается пробиться своими словами в мою душу, снова заставляя тело пылать и гореть от желания быть с ним. Он не знал одного: все это время, я не переставала желать его, медленно погибая без него.

– Ты не просто нужна мне, а я подыхаю без тебя... Ты мне твердишь о своей зависимости от меня, так посмотри на меня!!! Неужели ты не видишь, в кого превратился я без тебя?!

Я не могла верить его словам! Жестокий, циничный, безупречный, он просто не мог искренне их произносить, еще и еще раз убеждала я себя. Разве мог он так открыто, не стесняясь, признавать свои чувства, открывая правду, не стесняясь показать мне свою слабость?!

«Нет. Один раз я уже доверилась ему...»

– Пожалуйста, отпусти меня...

– Бл.дь!!! – заорал он, тут же вскакивая на ноги, хватая меня за затылок и притягивая мою голову ближе к себе.

– Я боюсь, – признаюсь я ему, пряча от него глаза.

– Я тоже боюсь! Но я уже давно принял то безумное притяжение между нами, которое испытываю к тебе!

– Эти дни без тебя стали моим личным адом. Словно я обязана терпеть нескончаемые муки, как приговоренная к этим пыткам пожизненно. Мое тело продолжает жить, а душа до сих пор там, в том аду, продолжает мучиться, подвергаясь ежечасным страданиям. Я уверена, что никогда не переживу это снова...

– Я не обижу тебя больше!

От его слов я поморщилась, как от болезненного удара, вспомнив подаренную мне пощечину.

– Шанс! Дай мне только шанс вернуть тебя! Я готов заплатить любую цену за него...

С надеждой вглядываясь в мои глаза, ощущая проходившие через меня волны боли от произнесенных им слов, он четко видел, что проигрывает сейчас...

Я видела разочарование от медленного осознания этого проигрыша в глубине его глаз. Он все поставил на карту и проиграл. Впервые в жизни у него больше не было аргументов, чтобы переубедить меня.

– Я... – начал он тихо, но не смог закончить, окончательно опуская руку и делая шаг назад, убирая ее в карман, чтобы скрыть от меня дрожь.

Он громко выдохнул, прочищая горло, и нерешительно, опустив голову, признал:

– Хорошо.

Всего одно прощальное слово!

А потом развернулся и быстро вышел из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

Глава 1

Я так и осталась стоять одна, с его «хорошо», которое словно окончательный приговор обрушилось на меня.

Проходили секунды, перетекая в минуты, но я так и не могла осознать сказанное им. Из глаз лились слезы, вместе с которыми выходила вся боль и обида на него.

«Хорошо?!»

И я срываюсь с места, выбегая из кабинета, сбегая по лестнице вниз, пытаюсь прорваться сквозь толпу танцующих людей в клубе. Руками стараюсь хоть немного пробить себе дорогу к выходу на улицу. С размаху открыв дверь, уже через мгновение, вдыхаю полной грудью вечерний холодный воздух, который сразу же приводит меня в чувство, остужая воспаленный от переживаний мозг.

«Хорошо?!»

Сердце пропускает удар, потом еще один, а затем бешеным галопом пускается вскачь, разгоняя горячую кровь по моим венам, отогревая заледенелое тело!

Я вижу, как он стоит, не замечая меня, опершись обеими руками о машину, готовый открыть дверь, признавая, наконец, свое полное поражение и готовый уехать прочь...

«Уедет? Снова бросит меня, вот так, сдавшись?!»

Я не двигаюсь к нему, так и продолжая стоять у входа в клуб, следя за его действиями. Мне кажется, что я уже вижу, как он принял решение и, вот-вот сядет в машину, но он, тряхнув головой, резко разворачивается и быстрым шагом возвращается назад.

Поднимает голову и, теперь уже видя меня, решительно идет мне на встречу.

Глаза лихорадочно горят, будто бы он не верит увиденному, что я стою тут, внизу. Секунда, и его руки раскрываются, приглашая меня к себе, и я срываюсь с места, летя к нему, в его объятия, доверяя его рукам. Он прижимает меня так сильно, что кажется, будто хочет впечатать меня в свое тело. Губами лихорадочно собирает остатки слез с моего лица, опускаясь по щекам ниже, до самых губ, в которые через секунду впивается в грубом, безумном поцелуе, причиняя мне боль.

«Но разве это больно?!»

Я обнимаю его в ответ, еще ближе притягивая к себе, ногтями намертво впиваясь в его плечи, так, что даже если захочет, то уже не сможет меня от себя отодрать! Он громко выдыхает, явно ощущая мою хватку, но не разрывает

объятия, боясь их даже на мгновение ослабить.

Мои губы болят от его жалящих укусов, но мне этого мало, катастрофически мало!

Я отвечаю ему с той же страстью, жарко, безумно, нетерпеливо...

Снова мало!

Я желаю почувствовать его в себе, вновь ощутить жар его голой кожи... От дикой потребности друг в друге, мы не обращаем внимание на свидетелей нашего проявления слабости. Люди улыбаются, глядя на нас. А мы забыли все, начав с чистого листа, словно и не распадались на части еще так недавно!

Тяжело дыша, он, нехотя, оторвался от моих губ, прислонившись своим лбом к моему и закрыв глаза. Это его проявление нежности по отношению ко мне разбивает вдребезги последний камень между нами.

Мы оба дышим хрипло, тяжело, мой вдох – это его выдох. Снова один глоток воздуха на двоих!

Обмениваемся дыханием, пока его руки гладят меня, ощупывают, вспоминая. Он наклоняется ко мне еще ближе... Теперь уже очень нежно касаясь губами моих губ, даря мне волнующий, легкий поцелуй, затем, делает шаг назад, разрывая наши объятия, и открывает мне дверцу своей машины, приглашая в тепло салона.

Не произнося ни слова, он, кивком головы, указал мне на пассажирское сиденье. Я понимала его молчание. Слова просто застряли у него в горле комом, как и у меня, от переизбытка чувств.

– Едем домой... – хрипло сказал он, пытаюсь прочистить пересохшее горло.

«Домой...»

Это слово, словно бальзам, смазало все мои раны, обезболивая их, принося мне желанное облегчение.

«Мой дом рядом с тобой! Я уже дома...» это осознание грело меня изнутри, нет, не грело, а прямо обжигало!

Я, сев на переднее сиденье, ждала, когда Саша обойдет машину. Заняв место водителя, мы резко тронулись с места, быстро выезжая на еще оживленный в этот вечерний час проспект. Он сразу перестроился в крайний ряд, для разворота, выбрав, как оказалось, самую короткую, явно объездную дорогу домой.

Мы ехали молча на бешеной скорости, но Саша, не отрывая глаз от дороги, протянул ко мне руку, положив ее мне на бедро... Горячая. Я тоже хотела чувствовать его рядом. Протянула в ответ свою, накрыв его руку своей раскрытой ладонью, мгновенно переплетая наши пальцы. Я решительно поглаживала их, проводя кончиками своих, по его длинным фалангам. Какие же они у него красивые, аристократичные!

Я начинала сходить с ума от простого поглаживания его руки!

Но мне этого было мало... Я прикоснулась к его бедру, проводя по нему рукой, ощущая, как вмиг напряглись его мышцы. Этот тактильный контакт был мне сейчас жизненно необходим... Он шумно втянул воздух в ответ на мое поглаживание, что выдало мне и его нетерпение. Но, вместо того, чтобы убрать руку, я улыбнулась и решительно продолжила свою пытку, поглаживая уже внутреннюю сторону его бедра. Я слышала, как он хрипло рыкнул, видела, как судорожно сжал руль, нажимая на газ, решительно клоня вправо стрелку спидометра.

Видя, насколько ему тяжело сдерживать себя, я поняла, как он зависим от меня. Также, как я одержима им. Осознание этого факта наполнило меня небывалой ранее смелостью, и я решительно положила свою ладонь на его выпирающий уже каменный член.

– Маленькая... – застонал он. – Мы ведь не доедем!

Его реакция опьянила меня настолько, что я не могла остановиться. Я возбуждалась только от его хриплых вздохов, втянутых сквозь сжатые зубы. Чуть поерзав на сиденье, сжав в нетерпении бедра, я поняла, как он мне нужен

сейчас. Возбуждение граничило с болью. Сжав его член сильнее, чувствуя, как он тыкается мне в руку, я не смогла сдержать возбужденный стон...

Саша дышал тяжело, отрывисто, играя желваками на бледных скулах. Я видела, что он нуждался во мне ничуть не меньше. Еще одно мое поглаживание по его, уже эрегированному члену, и он, выругавшись, резко выворачивает руль, съезжая с трассы к деревьям, обрамляющим дорогу, заезжая за них и пряча машину от любопытных глаз.

– Маленькая, мое терпение совсем на исходе, а своими поддразниваниями ты вконец разрушаешь мой самоконтроль...

Я все больше улыбаюсь, глядя на него. Я хочу его, безумно, прямо сейчас. Я снова забыла насколько горячи его губы! Не прошло и получаса, как он целовал меня у клуба, а я опять желаю ощутить его губы на своих, вспомнив их жесткость.

Решительно открыв дверь, Саша вышел из машины, быстро обойдя ее и вытаскивая меня за руку с переднего сиденья. Открыв заднюю дверцу, подтолкнул меня внутрь и залез следом. Я мысленно поблагодарила его за то, что сегодня он решил приехать в клуб на огромном «Cadillac Escalade» SUV. Здесь вполне хватало для нас места.

Не говоря ни слова, он опрокинул меня на сиденье, прижавшись губами к моим губам. Одного, легкого касания языком хватило, чтобы я открылась ему. Сегодня мне всего было мало: мало его тела, его жара, его поцелуев. Я, в буквальном смысле, изнывала от жадности по его прикосновениям...

Обеими руками Саша взял меня за бедра и подвинул под собой так, что одна моя нога, согнутая в колене, теперь находилась на сиденье, а вторая упиралась в пол. Раздвинув мои ноги, он устроился между ними. Его губы нехотя оторвались от моих, последний раз языком лизнув нижнюю губу, он, поцелуями спустился по моей шее вниз, слегка прикусив нежную кожу над выступающими ключицами. От этого поцелуя-укуса кровь еще быстрее побежала по моим венам!

Лихорадочно нащупал низ моего платья, решительно задирая его вверх.

– Сними его, – сказал он, потянув платье, помогая мне снять его через голову.

Отбросив его на переднее сиденье он устался на мою голую грудь, наклонил голову и взял мой сосок в рот. У меня между ног как будто бы что-то взорвалось, так жестко он его сосал, втянув, кончиком языка проводя по его напряженной вершинке. Я вскрикнула, обхватив его за плечи, ближе притягивая его к себе. Его рот продолжал терзать мои возбужденные груди, не давая мне перерыва. Но я и не хотела его!

Оторвавшись, он вернулся к моим губам, продолжая раздражать соски уже руками, слегка потягивая их, обводя пики пальцами...

Я провела руками вниз, выдергивая его рубашку из брюк и, наконец, добираясь до его голой, горячей кожи. Я пробежала пальцами по каждой мышце его пресса. Видя мое нетерпение прикоснуться к нему, Саша, отстранившись, быстро сдернул с себя рубашку, отрывая пуговицы, практически через одну. Она полетела вслед за моим платьем. Я выгнулась, желая быть еще ближе к его голому телу. Саша, прочитав мое желание, притянул меня к себе, крепко обняв. Холодные после его поцелуев мокрые соски прижались к его обжигающе горячей груди, и я вскрикнула, ощущая этот возбуждающий контраст.

Я задвигалась под ним, пытаюсь сползти чуть вниз, чтобы занять такую позу, при которой его каменный член оказался бы ниже моего живота. У меня до боли пульсировал клитор, и я хотела чувствовать им его эрекцию. Саша, с нежностью погладив мое голое колено, решительно опустил руку между моих раскинутых бедер. Я чуть шире постаралась раздвинуть ноги, максимально стараясь раскрыться для него, что было крайне сложно, учитывая условия, в которых мы с ним находились.

Желание нарастало, бешено пульсируя от понимания того, что его рука почти у цели, вызывая во мне головокружение от нетерпения. Когда Саша, слегка пробежал пальцами вдоль шелкового треугольника кружевных трусиков, я дернулась ближе к его руке и громко всхлипнула.

– Маленькая, тише... – зашептал он. – Я хочу убедиться, что ты там такая же сладкая, как и везде... – его голос дрожал еще сильнее.

Его палец скользнул под резинку моих трусиков...

– Саша... – прошептала я, глядя в его безумные от похоти и возбуждения глаза.

Пальцем скользнув по моим уже влажным половым губкам, он застонал, уткнувшись лицом мне в шею:

– Бл.дь, не смогу...

Я тут же изогнулась, навстречу его пальцу. Пытаясь быть ближе, приподняла бедра, насаживаясь, потираясь о него, пока он не скользнул им прямо внутрь меня... Очень медленно, фаланга за фалангой проникая все глубже. Мне хотелось схватить Сашу за руку, рывком прижать ее к себе, еще глубже... жестче... быстрее...

– Влажная, горячая, такая тугая... Маленькая моя... – шептал он мне на ухо, заводя меня своими словами еще сильнее. Чем непристойнее он выражался, тем сильнее была реакция моего тела на него.

– Саша, прошу... – умоляла я. – Мне так больно без тебя!

Дикая пульсация внутри тугой спиралью закрутилась, сжалась, сковывая каждую мышцу в моем теле от пытки неудовлетворением.

– Маленькая, я уже не в том возрасте, чтобы потерять контроль на заднем сиденье этой чертовой машины! – простонал он мне в ухо. – Я дам тебе кончить, но когда я войду в тебя, ты должна быть в моей постели, а не на этом крайне неудобном сиденье!

Его рука начала двигаться во мне раньше, чем я осознала сказанные им слова, не успев ответить. У меня закатились глаза...

– Да, маленькая, дай мне посмотреть, как ты кончишь на мою ладонь. Я хочу это почувствовать.

Своими словами он виток за витком скручивал возбуждение во мне, играя пальцами на этой тугой спирали желания. Движения его руки ускорились, добавив к первому второй палец, он задал бешенный темп входя и выходя из меня... После долгого воздержания мне хватало и этого! Ощувив еще пару таких

жестких толчков я полетела вниз с бешеной скоростью, рассыпаясь на миллионы осколков.

– Саша!!!

Я услышала свой крик и сорвалась в бездну блаженства. Я понимала, что кричу его имя, царапаю его спину ногтями, но уже не могла себя контролировать. Оргазм был слишком мощным и таким желанным!

– Моя. Моя девочка! – хрипел он.

Его слова долетали до меня, как будто издалека. Я обмякла в его руках, хватая ртом воздух... Только сейчас ко мне медленно возвращалась способность воспринимать реальность.

Я заставила себя открыть глаза, посмотрев в любимую бездну черных глаз, горевших от неудовлетворенного желания...

– Давай я помогу тебе одеться, и мы, все-таки, доедем сегодня до дома, потому что сдерживаться сейчас мне стоит огромных трудов. Мне крайне недостаточно того, что здесь произошло...

Я кивнула в знак согласия, немного успокоенная подаренным им наслаждением.

Наспех одевшись с его помощью, я снова оказалась справа от него на переднем сидении, и улыбнувшись мне, Саша уверенно вывел машину на трассу.

«Домой!»

Глава 2

Просыпалась сегодня не спеша, вначале почувствовав, втянув ноздрями, полюбившийся запах сандала, потом, с неохотой, вплывая в реальность из великолепного сна, медленно открыла сначала один глаз... И сразу прикрыла

его, потому, что комната была заполнена теплым ярким солнечным светом, подмигивая мне, встречая полюбившуюся гостью. Улыбнувшись сашиной привычке спать с открытым окном, я продолжала лежать с закрытыми глазами, наслаждаясь, смакуя вчерашние воспоминания...

Столько было сказано слов друг другу! Тех самых нужных вчера, таких необходимых! Столько признаний! Что хватит на пол жизни... а следующую половину можно провести признаваясь в своих чувствах вновь! Конечно, говорила, в основном, я, но видела при этом его глаза – слов от него было и не нужно! Они – индикаторы его души, кричали мне о его чувствах, выдавая с головой! Трепет в них, не характерный ему, я вспоминала и сейчас.

«Ты нужна мне!»

Я повторяла его признание вновь и вновь, смакуя эти три слова, перекаывая их у себя на языке...

Еще долго, после сашиного признания, я ощущала изумительное послевкусие от сказанного им... решительность, уверенность, твердость, убежденность и, в конце концов, я абсолютно точно поверила ему! Такие, как он, не говорят громких слов, и, вполне вероятно, что я от него их больше никогда не услышу, но мне и не нужно повторять сказанное. Оно отпечаталось в моем сердце, заплатками, пропитанными желанным бальзамом, залечивая рваные раны, оставленные колючими словами, брошенными им тогда, в момент ярости.

«Я нужна ему!» – пело мое сердце, и я улыбалась. Вчера после того, как я решительно сбежала к нему, за ним, вниз, на улицу, я сожгла последний единственный мост, больше не имея возможности вернуться назад, к своей прежней жизни. Я прошла, пробежала, нет... уже давно пролетела свою точку невозврата. Я простила ему все, приняла его, может быть еще не поняла, но совершенно точно перестала сомневаться в нем. Начав все с чистого листа, мы решили строить жизнь на доверии...

И я видела, что он поверил мне! Его глаза сказали мне о многом. То, с каким голодом, какой невыносимой тоской он смотрел на меня там, в кабинете, стоя напротив, не решаясь сделать шаг ко мне. В них светилось не просто возбуждение, это было что-то другое... ярче, больше, безумно заразительное, растопившее мою застывшую кровь, заставляя ее быстрее, с жаром бежать по

венам!

Вспомнив продолжение нашего вчерашнего вечера и его окончание, я мгновенно покраснела и выдохнула... Почувствовав или услышав мой выдох, Саша зашевелился, недовольно во сне нахмутив брови, и подтянул меня поближе к себе, обняв рукой. Собственник.

Я, окончательно проснувшись от нахлынувших воспоминаний, открыла глаза, решительно развернувшись к нему.

«Как же я соскучилась!»

Незначительное движение отозвалось приятной, слегка тянущей болью внизу моего живота. Мой Зверь вчера был неутомим, ни на минуту не отпуская, не выпуская из рук, будто боясь меня потерять, страшась, что это лишь воспаленное от недосыпа и переживаний сознание играет с ним злую шутку...

Заполучив кусочек своей эйфории в машине, я улыбалась, видя, как он нуждается во мне, переживает, что я исчезну, растворюсь как желанный, жизненно необходимый мираж. Для подтверждения реальности происходящего, ему необходимо было меня касаться, трогать, сминать... Он дышал мной! А я, в свою очередь, не могла надышаться им, жадно глотая его рваные выдохи-стоны ртом, после третьего за ночь оргазма...

– Привет... – услышала хриплый ото сна родной голос.

Я, улыбнувшись, повернулась к нему лицом:

– Привет!

– Я боялся, что ты мне приснилась... – неожиданно откровенно признался Саша.

Он озвучил и мой страх. Я так нуждалась в нем, что болела все эти дни без него, погибая помутневшим сознанием, в полудрёме, видя лишь его размытый образ в своих рваных снах.

– И что бы ты сделал, если бы это было так? – решила спросить я.

– Поехал бы за тобой! Я устал видеть тебя только во сне...

Я подняла руку и провела по его лицу, легко касаясь, лаская точеные скулы кончиками пальцев.

– Лиза, я не отпущу тебя больше!

– Я никуда не уйду...

Услышав мое тихое признание, он закрыл глаза, прижавшись к моей руке и, повернув голову, поцеловал раскрытую ладонь, признавая свою зависимость от меня, свою слабость... Касаясь губами разгоряченной кожи, он продолжил дорожку из поцелуев вниз по моему предплечью... когда наше уединение нарушил звонок его мобильного, вызвав мой недовольный, разочарованный полустон.

Саша засмеялся, отодвинувшись от меня и нехотя потянулся за телефоном:

– Зверев.

По его сосредоточенному взгляду я поняла, что продолжить начатое шанса не будет, поэтому решительно встав с постели, прошлепала в ванную.

Спустившись вниз и привычно сварив чашечку любимого кофе, я изучала содержимое практически пустого холодильника, когда почувствовала легкий поцелуй в плечо.

– Мне нравится, когда ты разгуливаешь по дому в моих рубашках, – прошептал мне на ухо незаметно подошедший Саша.

– Учитывая сколько народу здесь бывает, я бы предпочла свою одежду, – убедительно объяснила я. – Как я понимаю, в этой квартире не готовили и ничего не ели последние две недели?!

– Я уже отправил Алексея за продуктами.

– А куда делся Олег? – с удивлением спросила я.

– Он приболел, – с явным неудовольствием начал Саша, – а ты, вдруг, начала о нем беспокоиться?

– Ревнивец! – заразительно улыбнулась я. – Я – твоя!

Развернувшись, я прижалась губами к его губам, намереваясь оставить скользящий поцелуй, который Саша моментально перехватил, углубил, сначала проведя своим языком по моей нижней губе, а потом по-хозяйски, с жаром и напором ворвавшись в мой рот.

Легко поднял меня за попу и посадил на барную стойку. Я ойкнула от неожиданности: голой, разгоряченной затянувшимся поцелуем кожей, почувствовав холод камня. Обжигающий контраст был как нельзя к стати, только подстегнув зарождающееся во мне возбуждение...

Наш внезапный порыв готов был перерасти во что-то большее, когда я краем уха услышала звук открывающихся дверей лифта. Нехотя оторвавшись от Саши, немного отстранившись, я спрятала голову у него на плече, вдохнув исходивший от него легкий аромат возбуждения, утреннего душа и чистой кожи, неудовлетворенно застонала:

– Вот об этом я и говорила!

– Только сейчас я понял, о чем ты, – шутливо поддержал меня он, прижав мою голову к себе за затылок, привычно, зарываясь в волосы пальцами. – Я обязательно решу эту проблему.

Наклонившись ко мне, он втянул запах моих волос, целомудренно поцеловав меня в макушку. Мне безумно нравились его нерешительные проявления нежности, ведь все это было для него впервые. Задержав меня в объятиях еще пару секунд, он снял меня, посадив чуть ниже, на барный стул и резко развернулся, закрыв меня спиной от вошедшего на кухню Алексея.

– Все купил... Я видел, как на парковку, практически следом за мной, заехал Сергей Викторович...

– Я в курсе. Как раз ждал его. Спасибо, Алексей, поставь сумки на стол, Лиза их разберет.

Услышав шуршание пакетов, но не видя, что происходит, я прижалась к загораживающей меня спине губами, вызвав своим действием Сашин нетерпеливый вздох...

Мне очень нравилось, как он на меня реагировал.

– Лиза, ... – начал он...

Но я решила опередить его:

– Можно я съезжу к Анжелике, пока вы в Сергеем будете заняты делами? – пользуясь случаем, попросила я. Чувствуя, как вмиг напряглись мышцы его спины, я успокаивающе, провела по ним рукой. – Мне так необходимо поговорить с ней! Она сделала для меня много, очень много! Я...

– Но ты поедешь с Алексеем! – недовольно согласился Саша. – Только так. И он подождет тебя, сколько бы ты там не пробыла и привезет назад.

– Спасибо... – с благодарностью выдохнула я ему в спину, даже не надеясь, что он пойдет мне навстречу.

– Алексей, встретить Сергея и проводи его в кабинет. Потом жди Лизу на парковке, отвезешь, куда скажет.

Отдав указания, повернулся ко мне и прижал меня к себе, крепко обнимая, вновь целуя в макушку:

– Не хочу тебя отпускать! Знаю, что не смогу удержать тебя взаперти, как бы сильно я этого не хотел, но... я только... мне так тебя мало...

Я понимала, что ему трудно выразить свои чувства красивыми словами. Он другой. Поэтому быстро перехватила инициативу в свои руки:

– Я вернусь. Обещаю тебе! Ты даже не успеешь соскучиться...

– Спасибо!

Услышав, как в квартиру поднялся гость, Саша, еще раз выразительно посмотрев на меня, улыбнулся мне и вышел из кухни, перехватив Сергея в холле, пригласил того сразу в кабинет, явно пытаясь скрыть меня от любопытных, даже дружеских глаз.

Оставшись одна, я вновь улыбнулась своим мыслям:

«Ревнивец!»

Теперь осознание этого факта ничуть не пугало меня. Его ревность сейчас была легкой, игривой, шутливой, безумно приятной, бальзамом для моего израненного двухнедельной разлукой сердца. Я желала, охотно принимая, любые проявления его внимания.

Вместе с улыбкой и этими мыслями, я поднялась наверх, оделась, накинув на себя сверху еще и сашин пуловер, так как из одежды имелось только вчерашнее по-вечернему открытое платье.

Выйдя на парковку, привычно открыла заднюю дверь Cadillac Escalade SUV, с трудом забравшись внутрь. Я так и не привыкла к этому огромному черному монстру! Алексей, посмотрев на меня через зеркало заднего вида, промолчал и привычно выехал на уже оживленный в этот час проспект, ловко петляя между снующих, торопящихся машин.

– Мне нужно... – начала я.

– Я в курсе. Шеф по телефону дал мне на счет вас четкие указания, – решительно перебил меня Алексей, заканчивая диалог, тем самым дав понять, что разговоры со мной ему не интересны.

Я пожала плечами и отвернулась к окну... Непривычно.

Я, как оказалось, привыкла к присутствию Олега, который внушал мне доверие, искренними улыбками и подшучиваниями, располагая к себе, поэтому сейчас, явно, чувствовала себя не в своей тарелке. Мне было крайне неудобно в замкнутом пространстве с малознакомым неразговорчивым хмурым мужчиной. По телу пробежал неприятный холодок беспокойства, но я прогнала его, решительно отмахнувшись от назойливого волнения.

Чтобы отвлечь себя, я уставилась на мелькающие вдоль трассы деревья, думая о своем и, поначалу, даже не обратила внимание на незначительные изменения нашего маршрута. Но тревога не отпускала, и я, сосредоточившись на дороге, постаралась вспомнить, проезжали ли мы этот участок ранее... никогда.

От четкого понимания, что мы движемся не в ту сторону, все дальше удаляясь от центра, я начала нервничать, в смятении сжимая и разжимая трясущиеся руки.

– Алексей, извините, но мы правильно едем? – с опасением решила уточнить я.

– Да, все верно, едем в кофейню. Просто дорога, вам привычная, перекрыта из-за ремонта. Пробка образовалась, поэтому рванем в объезд, – улыбнувшись, попытался успокоить мужчину, еще раз посмотрев на меня через зеркало заднего вида.

Но от обеспокоенности я не услышала его ответа, сосредоточившись лишь на его глазах, которые мелькнули в отражении: холодные, неживые, без толики улыбки в них... Паника начала подниматься во мне, грозя уничтожить все доводы разума.

Глава 3

– Саш, ты слушаешь меня?

Обеспокоенный голос Сергея вырвал меня из трясины внутренних размышлений, заполнивших собой мой разум. Я нервно посмотрел на часы: 19.30.

«Во сколько, черт возьми, уехала Лиза?!»

– Я слушаю, – резко ответил ему. – Я прекрасно понял, что ты до сих пор не нашел крысу в моем доме!

– Давай, обвиняй меня! Но я не могу пустить в расход всех без разбора!

– Я могу...

– Но я не ты!

– Твоя идея с папкой не сработала. Да, эта мразь повелась на нее, думая, что эти документы важны мне и смогут навредить, уничтожить меня. Ты расшевелил кого-то, и он проявил себя, но на этом – все. Узнать, кто это был, мы так и не смогли. Все записи профессионально подтерты. Охрана утверждает, что чужих в тот день в квартире не было. Никого... кроме Лизы. Как технично кто-то пытается подставить ее!

– Но это не Лиза... – начал Сергей.

– Не думай, что я идиот! – резко ответил я. – Еще тогда прекрасно понял, что она не брала. Я не буду обсуждать Лизу с тобой!

Снова в раздражении нервно посмотрел на часы, уже третий раз за последние пятнадцать минут...

– Черт... – вырвалось сквозь зубы.

– Ты чем-то обеспокоен?

– Нет. Не знаю...

Первый раз в жизни я был по-настоящему растерян. Впервые, в моем сердце появилось значительное место для дорогого мне человека, за которого я взял на себя ответственность, и сейчас я был не уверен в своих действиях, не знал, как себя вести. Я боялся задушить Лизу своей опекой. У меня с детства не было семьи, привязанностей, поэтому я просто не умел дорожить, беречь кого-то. Новое для меня чувство – беспокойство – сводило с ума!

Взяв со стола мобильный, в нерешительности покрутив его в руках, я быстрым набором сделал вызов Алексею.

Гудок... еще один...

– Да шеф.

Услышав его ответ я выдохнул. Внутренняя тревога никак не покидала меня, но я в раздражении откинул мешающие трезво мыслить подозрения, отравляющие мой мозг.

– Где вы, бл.дь!? – несдержанно рыкнул я.

– Шеф, так у кофейни стою. Жду ее. Вы же сами приказали не торопить. Она еще не выходила, – затараторил в волнении Алексей.

– Нет, все в порядке, – попытался успокоиться я. – Не задерживайтесь там.

Сказал и отключил телефон, в недовольстве откинув его на заваленную рабочими бумагами поверхность стола.

Сергей пристально смотрел на меня, прекрасно видя мое состояние самораздражения, которое постепенно накрывало с головой.

– Сань, я найду! Дай мне еще неделю...

– Неделю! – рявкнул я. – И не днем больше. Потом я буду искать по-своему. И, поверь мне, я найду эту мразь быстрее!

Сергей кивнул и поднялся потягиваясь, разминая, затекшие от долгого сидения, мышцы.

– Я еще нужен тебе сегодня?

– Нет, можешь ехать, – примирительно начал я. – Снова в твоей жизни появились разовые блондинки?

– Они никуда из нее не пропадали, – подмигнул мне он. – Это ты у нас решил остановиться на одной, отсутствие которой, судя по всему, сводит тебя с ума, превращая в больного параноика!

– Ты, как всегда, прав! – выдохнул я. – Иди, но я жду от тебя обещанный результат!

После того как он вышел, оставив меня одного, я снова дергано проверил время. Стрелка часов, казалось, просто застыла на месте, выводя меня из себя. Я никогда не отличался терпением. Указатель выдержки во мне стремительно клонился к нулю.

«Я вернусь!» – только ее слова, сказанные мне перед отъездом, сейчас, как плотинкой, сдерживали во мне десятиметровую волну недовольства, которая уже била по ней, проверяя, испытывая ее на прочность. Я снова попытался заняться принесенными Сергеем рабочими бумагами, включив планшетник и занося цифры из отчетов, строя кривую графика, но занятие не приносило мне желанного облегчения, не давая переключиться, полностью погрузившись в работу.

Восемь вечера.

Девять вечера.

Десять...

Сотый раз бросив взгляд на часы, схватил телефон, снова набрав Алексея:

– Бл.дь, – взревел я, – где вы, черт возьми!!!

– Шеф, но она не выходила...

– Значит ты зайди за ней! Эта гребанная кофейня работает до десяти, – раздражение потихоньку перерастало в бешенство.

Я не мог себя контролировать. Лиза – единственный человек в моей жизни, за которого я волновался, и эти переживания желчью отравляли мою кровь, словно яд, отравляя мозг. Был, конечно, еще и Сергей, но он сам мог побеспокоиться о своей безопасности, поэтому сейчас я злился только на себя, позволив ей вновь выйти из квартиры без телефона.

– Привези домой вместе с подругой, как там ее... и если они хотят сидеть до утра, то пусть торчат здесь! Дай ей трубку, черт возьми!

– Понял шеф. Минуту.

Обещанное время тянулось бесконечно. Когда у меня зазвонил телефон я в нетерпении принял вызов:

– Да!

– Шеф... тут такое дело, – заикаясь начал Алексей, – она, в общем, говорят и не заходила внутрь...

Я молчал, совершенно не понимая произнесенного им, мозг просто отказывался принимать сказанное.

– Что?...

– Я поговорил с хозяйкой кофейни, и она категорично заявляет, что Лиза к ней не заходила.

– Ты видел, как она входила внутрь? – уже холодно, мгновенно включив разум, откинув мешавшие думать чувства, спросил я.

– Шеф... тут такое дело... когда привез ее, отвлекся на мобильный, поэтому сам не...

– Сука!!! – взревел я. – Проверь все подсобные помещения! Все! Эту... хозяйку не выпускать! Я сейчас буду.

На автомате набрав номер Сергея, сдержанно произнес:

– Ты нужен мне.

Отключил телефон, молча глядя на потухший дисплей. Три коротких слова, которых всегда было достаточно. Я точно знал, что через десять-двадцать минут он будет у меня.

«Я вернусь! Обещаю тебе!» – прокручивая эти слова в памяти, я вспоминал выражение ее лица, когда она произносила их, блеск глаз, улыбку, успокаивающую мою тревогу за нее...

«Она не могла вот так бросить меня!»

Гнев начал медленно поднимать во мне свою жуткую звериную голову, скалясь, скребя когтями, распарывая ими мои внутренности, скручивая их в тугий узел, до опоясывающей боли, от которой я судорожно выдохнул. Волнение, которое терзало меня весь день, уступило место ледяной ярости, что сразу очистила мой разум от ненужных, мешавших ясно видеть ситуацию, мыслей.

– Бл.дь, маленькая, только не бросай меня! – вырвалось с хриплым стоном.

Решительно встав, я быстрым шагом покинул квартиру.

– В который раз повторяю, я не видела ее! – с беспокойством отвечала бледная белокурая девушка.

Я сидел чуть в отдалении, за барной стойкой, со стороны наблюдая за трясущейся от волнения девицей, которая заламывала руки, нервно вытирая их

о лежащее на коленях полотенце. С ней беседовал Сергей, расположившись за ближайшим ко мне кофейным столиком. Он досконально расспрашивал ее, въедливо интересуясь даже незначительными деталями прошедшего дня.

Девчонка явно нервничала, но оттого, что была соучастницей или от волнения за подругу, пока было не понятно. Отвечая ему, она то и дело с ужасом бросала на меня взгляды, и видя мое пристальное внимание к своей персоне, тут же отводила глаза, пытаясь скрыть свое смятение. Я понимал, что своим видом только пугаю ее. Паника, блестящая в глазах, выдавала ее с головой. Ничего удивительного, ведь видя меня в такой ярости, мандражировали даже бывалые мужики... а тут- молоденькая девчонка...

– На меня смотри, – взяв за подбородок, Сергей, уже в который раз, развернул ее лицо к себе. – Не страшно, Анжелика, повторишь еще раз, – продолжил он, со спокойствием дознавателя. – Значит не видела ее сегодня?

– Не видела. Клянусь, не видела! Я даже машину вашу заметила в окно только вечером, когда прикрывала их шторами.

– Нужно жестче!!! – крикнул я, со всей силы ударив кулаком по барной стойке так, что задрезбжали в ряд составленные стаканы на кофемашине.

От неожиданности подпрыгнула на месте не только расспрашиваемая, но и беспокойный, мывшийся в дверях Алексей.

Я перевел взгляд на него, замечая каждую деталь: дерганные движения, хаотично бегающие глаза...

– Что стоим? – обратился Сергей к нему, проследив за моим недовольным взглядом. – Пробеги по соседним магазинам, прозвони в ГАИ,ними все доступные видео с камер наблюдения. По всему району. Ну же!

Я молчал.

Потому, как в таком состоянии, любые, брошенные мной слова, приведут лишь к ненужной сейчас трагедии. Внутренний зверь во мне только и делал, что нетерпеливо ждал любой, даже самой незначительной команды, чтобы

сорваться с цепи рассудительности, начав творить свои изощренные безумства. Сохраняя безмолвие, я пребывал на грани сознания, охватывая пока еще трезвым взглядом всю ситуацию целиком. Я как мог продолжал сдерживать себя, прислушиваясь к дрожащим словам бледной девушки.

– Могла ли Лиза не зайти к тебе, а пройти мимо? – продолжал Сергей.

– Я уверена, что нет. Если бы она была здесь, то обязательно зашла бы ко мне попрощаться, либо попросить о помощи... Я правда не видела ее и очень за нее волнуюсь!

Сергей отвернулся от девицы и, внимательно посмотрев мне в глаза, слегка покачал головой.

Я понимал, что он хотел до меня донести: девушка ничего не знает... но сейчас я находился в состоянии ледяной ярости, и это вряд ли могло меня убедить.

– Может, теперь я расспрошу ее по-своему... – с холодящей душу озлобленностью, но на удивление спокойно, начал я.

– Сань, девчонка не при чем! Она не знает ничего, это же очевидно, – попробовал заступиться Сергей.

– А может, ты просто плохо ее спрашивал! – не унимался я, все больше распаляясь от предвкушения маячившего на горизонте насилия, желая расправиться со всеми, причастными к сложившейся ситуации. – У меня все говорят!

Я уже не контролировал себя. Сергей это прекрасно видел, но изменить ничего не мог. Я прошел свою критическую черту. Встав, и, больше не глядя на девушку, решительно пошел к выходу:

– Ее с собой, в клуб, и Алексея захватим, тоже поспрашиваю...

– Сань... – попытался образумить Сергей, но я остановился, резко развернулся к нему и пристально вгляделся в него провалами своих черных от сумасшедшей ярости глаз.

– Я все сказал!

Не увидев сопротивления, вновь повернулся к дверям и покинул кофейню.

7.30 утра, а я до сих пор сижу в кабинете клуба, покрасневшими от усталости и злости глазами, всматриваясь в видео, пытливым взором судорожно пытаюсь найти малейший шанс, хоть одну зацепку, любое несоответствие увиденному. Но его нет...

Факт остается фактом: на пленке четко видно, как Лиза, выходя из машины, идет в сторону кофейни и, не доходя до входа пару метров, поворачивается, вклиниваясь в поток людей, теряется в толпе. Лишь пару секунд, но их вполне достаточно: мне отчетливо видна ее хрупкая фигурка и рыжие локоны, которые еще долю секунды мелькают среди движущегося потока людей.

Сергей сидит рядом со мной, помогая мне перематывать этот маленький эпизод снова и снова. Мы пробовали посмотреть его с разных ракурсов, но этот, единственный, был более или менее подходящим.

Уже, наверное, в тысячный раз я поставил видео на перемотку, но он, прервав меня, решительно нажал на «стоп».

– Все, Сань, хватит! Она ушла. Сама. Давай просто признаем это! Да, я также, как и ты, в ней ошибся! Впервые ошибся...

Я молчал, уставившись на включенный монитор, где маячил стоп кадр, на котором ветер растрепал ее волосы... Он действовал на меня сейчас, как раздражающая красная тряпка на быка. Слушал друга, но не мог поверить сказанному, ни его словам, ни своим глазам.

Да, все так, я сам, лично, просматривал эту пленку часами, но не мог найти ни монтажа, ни склеек. Подключили специалистов, которые подтвердили факт подлинности. Но и это не могло убедить меня!

– Очевидно, что никто не виноват, ни эта девочка, – он кивнул в сторону спавшей на диване Анжелики, – ни Алексей. Лиза просто обманула его! Прими это! – убеждал меня Сергей. – Я сам вижу, что на пленке она!

Девушка, привезенная нами, действительно находилась здесь же в кабинете всю ночь. Сергей настоял, чтобы ее не отправляли в подвал, как провинившегося, не уследившего за Лизой, Алексея. Она, измученная ожиданием и беспокойством, от усталости, прикорнула здесь же на диване. Сергей встал, и, достав плед из шкафа, подойдя к ней, накрыл им спящую. Та заворочалась во сне, свернувшись калачиком. Не задерживая на ней взгляд, развернувшись ко мне, он продолжил:

– Сань, она ушла... В этот раз ее нужно просто отпустить. Это ее выбор!

Я все понимал, но не мог этого принять.

Устало махнув головой, дал понять Сергею, что он может идти:

– Иди домой, я еще посижу. И... ее заberi, – кивнул в сторону спящей девушки. – Прикажи кому-нибудь, пусть домой отвезут.

– Я сам, – удивил меня друг.

Я молча отвернулся от них и вновь уставился на монитор компьютера. Снова промотал и нажал на «play»...

Я банально не мог поверить, что она вот так просто бросила меня! Да, я дурак, обезумевший шизофреник, который сидит здесь и не верит своим глазам. Все в девушке на видео было до боли знакомо: одежда, фигура, походка, волосы, все... но было что-то, совсем неуловимое, не привычное, что не бросалось в глаза, но не давало мне спокойно выключить компьютер и уехать домой.

Со всех ракурсов и пленок не было видно ее лица, но совершенно все детали кричали о том, что это она, и я все больше и больше склонялся к мысли, что пытаюсь обмануть себя. Я никогда не был глупым, но сейчас с ней я совершенно точно выглядел помешанным идиотом. Просматривая очередной файл, я увидел ее с другого ракурса, но снова ничего... выдохнул, но продолжал смотреть, до боли в уставших от напряжения глазах, вглядываясь в детали.

Я не мог ее подвести!

Я дал ей слово, что никогда больше не обижу ее своим недоверием. Уходя, она сказала мне: «Я вернусь!»

И я поверил ей.

Нужно было просто собраться, позволив внутреннему монстру терзать меня, разрывая внутренности на части, но не выпускать его, сосредоточиться и еще раз пересмотреть все с самого начала!

Глава 4

Жар плавил кости.

Я никак не могла очнуться, вынырнуть из вязкого болота, явно навязанного мне кем-то искусственного сна. Казалось, еще секунда, и я смогу выплыть на поверхность, которая желанно маячила рядом, манила меня, поблескивая отблесками ясного сознания, но нет... меня снова затягивало вниз, в тягучую, плотную трясину забвения. Я ныряла туда и обратно бесконечное количество раз, но мне никак не удавалось прийти в себя.

Жарко. Безумно жарко.

Духота не давала мне дышать, но я продолжала жадно хватать пересохшим ртом горячий воздух.

Отравленный медикаментами мозг отказывался отторгать яд беспамятства, который блокировал мне возможность прийти в себя. Я открывала опухшие тяжелые веки, затуманенным взором глядя в потолок и снова прикрывала глаза, падая назад в липкую бездну синтетического полусна.

Пугающее ощущение дежавю оплетало воспаленное сознание.

Ощутимые похлопывания по горящим щекам, вновь ненадолго вернули меня в реальность. Я разлепила веки и снова уставилась покрасневшими глазами в потолок, почувствовав, как кто-то слегка приподнял мою голову и в пересохший рот полилась прохладная, жизненно необходимая вода. Но я не могла сделать глоток, иссохшее горло просто отказывалось принимать жидкость, распухший язык мешал ее проникновению, поэтому она потекла по моим щекам, не принятая отравленным препаратами организмом.

«Перестарались...»

Сквозь пелену бесчувствия доносились слова, но я не могла осознать их смысл. Слышала, но не понимала...

Лица коснулась влажная прохладная рука, смоченная водой, мокрые пальцы провели по разгоряченному лбу, и я сипло застонала. Губы вновь смочили, и в этот раз толика воды попала мне в горло, с болью прорвавшись внутрь. Глоток, казалось, разодрал мне ссохшиеся, обезвоженные внутренности. Сделав один, я с жадностью потянулась потрескавшимися до крови губами к источнику за вторым, с ненасытностью умирающего, инстинктивно боясь потерять жизненно важную для измученного жаждой организма, жидкость.

«Вот так... Не торопись.»

Я не слышала слов, все силы отдавая на борьбу с жаром, терзавшим мое тело. Внутренности горели огнем, горячая густая кровь медленно текла по венам, подобно лаве, выжигая все живое, встречающееся на пути, оставляя после себя лишь обугленные куски плоти и пепел.

«Необходимо срочно сбросить температуру... Умрет...»

Может и не было всех этих разговоров, звучавших совсем рядом, а это лишь злые, изощренные игры моего больного сознания?!

Но я чувствовала раздраженной кожей, как меня приподнимают, переворачивают, протирают... периодически полностью теряя сознание и вновь, выныривая из ада бессознательности, глядя в никуда расфокусированным взглядом.

Легче. Становилось легче...

Тело уже не так горело, не билось в агонии. Боль и ломоту от многодневной горячки я теперь могла переносить находясь в сознании.

Все еще лежа на спине и глядя на серый бетонный потолок, я считала трещины на нем, пытливо стараясь охватить как можно большую площадь взглядом, насколько позволял ракурс, не поворачивая головы, потому что любое, даже самое незначительное движение, пульсирующей болью мгновенно простреливало весь измученный болезнью организм.

Как я оказалась здесь меня интересовало мало.

Память постепенно возвращалась ко мне по мере отступления горячки, но очень медленно, лишь по крупцам. Я не так много помнила, лишь отрывки: мелькающие деревья у обочины за окном несущейся куда-то машины, холодный взгляд водителя, направленный на меня через зеркало заднего вида, его глаза... не живые, страшные...

Но я вспомню, обязательно все вспомню!

Опустив руку вниз, нащупала стоящую рядом на полу бутылку с водой и, с трудом справившись с неподдающейся крышкой, отпила пару глотков. Организм очень ослаб, поэтому я не позволяла себе лишних движений.

Несколько раз я видела женщину восточной внешности, которая склонялась надо мной, проверяя температуру, протирая мое лицо и тело прохладной водой, она же, судя по всему, помогала мне облегчиться.

Духота в помещении, где я находилась, ничуть не способствовала улучшению моего состояния. Дышать было практически нечем. Все тело покрывал липкий неприятный пот, то ли от выходившей испариной температуры, то ли от ужаса парамнезии, которая сейчас атаковала мой мозг...

Меня начали посещать бредовые мысли о том, что Саши в моей жизни и не было никогда! Что все это – выдумки моего сознания, бред, навязанный болезнью.

Я начала сомневаться в том, что жила где-то все эти месяцы...

А были ли они вообще, все эти воображаемые дни?! Может я никогда и не выходила из этой камеры, придумывая свою жизнь вне ее, проживая мыслями недели, месяцы...

Схожу с ума!

Он был! Совершенно точно был в моей жизни!

Ведь я отчетливо помню запах сандала, который оставил неизгладимый след в моем сознании, пальцы запомнили четкую линию его скул и неидеальность щек с легкой утренней щетиной на них... я и сейчас с легкостью могла вспомнить твердость его мышц и мягкость губ...

Я помнила его настолько реально, что казалось, осталось только протянуть руку и коснуться...

«Маленькая...»

Вспомнила, как он называл меня, закрыла глаза и увидела его губы, нетерпеливо поджатые, приподнятую бровь, когда он мной недоволен...

Помнила. Я все помнила.

Как бежала к нему, за ним, из клуба, услышав его отрешенное «хорошо», то, как это слово резануло по моим венам, причиняя дикую, невыносимую боль. То, что мое тело терпит сейчас несравнимо с той агонией, когда я поняла, что он уходит из моей жизни!

Жалела ли я, что вернулась к нему? Что из-за него нахожусь здесь, сейчас?

Нет!

Ни на минуту не пожалела, не возжелала все вернуть назад!

– Саша, миленький, заberi меня отсюда... – прошептали искуcанные до крови, сухие губы.

Тишину и мои размышления нарушил скрип отпираемого замка.

Я cлегка повернула голову, привычно ожидая ухаживающую за мной молчаливую женщину, поэтому когда открылась дверь, и в ярком свете коридора показалась высокая широкоплечая, явно мужская фигура, я зажмурилась от рези в глазах и равнодушно отвернулась.

– Пришла в себя? – услышала знакомый голос с восточным акцентом. – Хаза йу, я рад, что ты выжила, мои люди немного перестарались, за что были наказаны.

Услышала тихие шаги, и по движению спертого горячего воздуха в душном помещении, почувствовала, что вошедший присел рядом с моим импровизированным ложем.

Не поворачивалась, не смотрела на него, мне было абсолютно не интересно, что он скажет мне или сделает...

Потому, что я была уверена, что Саша придет за мной, поэтому время для меня, с этой минуты начало обратный отсчет.

– Ждешь его?

Я молчала. Мне был неприятен диалог с навязчивым похитителем.

Заметив мою апатию, но не обращая внимания на пренебрежительную безразличность, он продолжил:

– Дура! Ты действительно ждешь его?! Позволю себе немного прояснить тебе ситуацию: он считает, что ты ушла сама, банально бросила его.

Увидев, как я прикрыла глаза, отгораживаясь от сказанного, настойчиво уничтожал меня словами:

– Я ведь предупреждал тебя! Стоит тебе исчезнуть из его жизни, и он больше не вспомнит о тебе! Тем более, ты, как оказалось, уже не в первый раз больно ударила по его самолюбию. Глупая, действительно считаешь, что он ищет тебя после того, как ты второй раз оскорбила его, сбежав?

Почувствовав прикосновение чужих пальцев к своему лицу, я судорожно отдернулась, отвернувшись от поглаживающей руки. Мне были неприятны его прикосновения, а сказанное им разъедало мозг, отравляя мучительными сомнениями, которых еще пять минут назад не было и в помине!

– Найдет, – очень тихо, еле шевеля потрескавшимися губами, прохрипела я, – обязательно.

Своим ответом я вызвала лишь его издевательский смех:

– Меня всегда поражали такие как ты, не верящие, не желающие замечать правды! Я не ошибся нигде. В этот раз, все сделано на совесть, продумана каждая деталь, начиная от девушки, которая тебя заменила, заканчивая видео, которые ему предоставили. Ни склеек, ни монтажа он не найдет, а на пленках, определенно, ты.

– Для чего все это? Если он будет думать, что я ушла сама, то ты-то тоже ничего от него не добьешься! Повлиять на него фактами, подкинутыми тобой, – шанса не будет.

– А мне и не нужно на него влиять! Принципиально выбью почву, а как добить – уже решил. Поэтому считай, что с сегодняшнего дня тебя и не существует больше. – Сказал, резко встав, развернулся и вышел.

Закрыл за собой дверь, оставив меня с дикой головной болью.

Я закрыла лицо руками и надрывно застонала...

Он прав. Саша не давал мне даже малейшего шанса объясниться с ним раньше, с какой стати ему верить мне сейчас?! Меня нет, и он, подгоняемый своим гневом, сразу забудет, что я когда-либо вообще существовала в его жизни. Шанс на то, что он будет искать меня в этот раз, нулевой. Нужно принять это как

данность. Глупо отрицать очевидное.

Слез не было. Я лежала, апатично продолжая вглядываться в пустоту, после всех сказанных слов, вновь задавая себе вопрос:

«Жалела ли я, что Саша появился в моей жизни?»

Ведь все, происходившее сейчас со мной, было из-за него...

Но ответ был все тот же:

– Нет. Никогда не пожалею! – прошептала я самой себе.

Глава 5

Пять дней.

Я сидел у себя в кабинете, практически не выходя, координируя всю работу по поискам Лизы через телефон. «В ружьё» подняли всех, начиная от мелкой пехоты до МВДшных генералов, которые пробивали ситуацию по своим каналам. Да, за эти дни я так и не нашел ничего на предоставленных мне пленках, но что-то подстегивало меня к действию, подгоняло верить и продолжать поиски, вопреки...

Краем уха, услышав стук в дверь, дал разрешение войти.

С каждым вновь вошедшим, я надеялся услышать, что появился шанс, хоть одна маленькая зацепка, но проходили дни, а результатов, по-прежнему, не было. Я видел, что на уши подняли практически весь город, прочесывая квартал за кварталом, поэтому срываться на входивших из-за их, мною выдуманного, бездействия, я не мог.

– Доброго дня, шеф, – произнес, взволнованный моим спокойствием, Олег, – разрешите, – подошел вплотную к столу, положив на него флеш карту, – вот,

принес еще пару новых записей из магазина на углу, до которого раньше не могли дотянуться и с ближайшего перекрестка. Там, оказывается, совсем недавно поставили новую камеру, но так и не внесли ее в списки. Наверное, забыли...

– Спасибо, – устало выдохнул я и протянул, за принесенным накопителем, руку.

– Вам еще что-нибудь нужно?

– Нет. Можешь идти. Да... приедет Сергей Викторович – проводи ко мне.

Уже привычно вставив принесенную флешку в iMac, открывая новые папки, я, с надеждой приговоренного, вновь уставился на экран.

Глупо! Как же все это было глупо!

Я все понимал, но, чем дольше не мог найти Лизу, тем больше убеждал себя в том, что я делаю все не так, не то... ищу не там, не допуская даже мысли опустить руки и признать очевидное, казалось бы, всем окружающим. Всем, кроме меня!

Сергей больше не пытался отговорить меня, взяв на себя Алексея, но все пять дней не давали результатов – он молчал, продолжая твердо стоять на своем: довез, не видел, точно она...

Больше всего меня нервировало молчание Гази, а то, что он с этим связан, я был абсолютно уверен. Связаться с ним было невозможно – телефон отключен, в городе его тоже не было, растворился, исчез... вместе с моей девочкой.

«Вместе» – это слово не давало мне покоя, но глупая, безудержная ревность была сейчас совершенно не к стати. Рассудок должен оставаться ясным. Я всегда был прекрасным стратегом, поэтому переиграть это раздражающее «вместе» мне не составит труда. Было бы время! Но его-то, как раз, у меня и не было...

Не верю. Никому не верю, кроме нее...

«Я вернусь»

Сколько раз за последние пять дней я произнес эти слова? Каждую минуту они крутились у меня в голове, давая надежду, подталкивая меня, стимулируя, не давая сдаться и опустить руки.

Вперившись в экран, отбросив уничтожающие душу сомнения и размышления, вновь с надеждой, нажал на просмотр материалов видеофиксации, с головой погрузившись в изучение новых файлов, не заметил, как место рядом со мной занял вошедший Сергей.

– Есть что-нибудь новое? – на автомате спросил я, не прерывая просмотр.

– Нет. Стоит на своем, но что-то тут не так.

– Что заставило тебя сомневаться? Ведь, еще вчера, ты был убежден в своей правоте, – начал я, когда глазом, лишь мельком, заметил четкое несоответствие увиденному ранее...

– Стоп! – вырвалось раньше, чем рукой нажал на отмену просмотра.

Быстро перемотав проигранный ранее фрагмент, еще раз включил запись.

– Ну же, маленькая, чуть-чуть помоги мне! – прошептал сам себе, ища глазами заинтересовавший меня эпизод.

Новый ракурс, более качественная съемка: вот он, уже знакомый силуэт девушки мелькает среди многочисленного потока людей, привычно лавируя, между, спешащими по своим делам, прохожими, опустив голову вниз, но продолжая ярко выделяться нетипичным цветом волос, которые растрепал неожиданный порыв ветра, отбросив их в сторону и... неожиданно, открывая небольшую, едва заметную, татуировку на правой ключице... Доля секунды, и она привычным жестом возвращает волосы назад, как будто закрываясь рукой от пронзительного ветра, продолжая идти дальше и, наконец, теряясь в толпе, полностью исчезая из поля зрения.

– Бл.дь! Видел? – не веря своим глазам, но боясь отвести взгляд от экрана, уточнил я у друга.

– Нет. Не заметил ничего нового, – отрицательно мотнул головой Сергей, но заинтересованно продолжил, – давай-ка, мотани еще раз.

Я в нетерпении нажал на просмотр, жадно всматриваясь в раздражающую деталь на коже девушки, слыша только гул крови в ушах. Пульс бил по расшатанным нервам, зашкаливая до тахикардии.

Смотрю снова, и вот он, незначительный изъян в виде тату, режущий по моим глазам! Быстро нажимаю на «стоп», останавливая просмотр, максимально увеличивая маячивший стоп-кадр, протягиваю руку и провожу дрожащими пальцами по монитору, трогая увиденное, все еще не веря своим глазам...

Несовершенство кожи девушки – вот он, мой шанс, единственная зацепка, которую я уже не упущу... Зубами вгрызусь в этот жалкий кусок, милостиво брошенный мне судьбой, но уже не отпущу его! Мертвая хватка – это моё!

– Не она, – хрипло выдыхаю я. – Не она! – вскакиваю с места, откидывая стул в сторону, обхватывая руками голову, тру виски, затекшую без движения шею. – Не она, бл.дь!!! – ору в голос. – Пять грёбанных дней!!! – закипаю сразу, мгновенно, только от одной мысли о том, что моя девочка ждет от меня помощи, считая каждый прожитый час. Какой там час! Минуты!

– Где она?! – вою раненым зверем, закрывая глаза, пытаюсь справиться с нахлынувшими шквальными эмоциями, но проигрываю сам себе, терплю оглушительный разгром, окончательно теряя свою выдержку, сдавая позиции своему внутреннему монстру.

Чувствую, как он, мгновенно, входит в раж, с таким напором и рвением, от которого даже я ужаснулся, лишь на долю секунды удерживая власть над охваченным безумной яростью разумом, а потом... окончательно капитулируя, уступая ему... себе, первый раз за все пять нескончаемых дней...

Не помню...

Ничего не помню, не осознаю, кроме дурманящего желания близкой, кровавой расправы! Спускаясь в подвал клуба, я четко понимал единственную вещь: я не уйду отсюда без ответов. И, в этот раз, они будут самые правдивые и откровенные, потому, что за всю мою прожитую жизнь, первый раз, я желал их настолько отчаянно, с сумасшествием душевнобольного, до одержимости!

Каждая прошедшая минута отдавалась во мне, скручивающей внутренности фантомной болью, вызванной страхом и переживаниями за свою девочку, которая сейчас, точно так же, считает время, в ожидании помощи от меня.

А я не могу ей помочь... сейчас не могу, потому, что не знаю ничего...

Но я узнаю!

По привычке, снимая пиджак и отдавая его Олегу, в нетерпении открываю дверь и захожу внутрь плохо освещенного, подвального помещения, где ждет своего вердикта так же, как и я, измученный временем и ожиданием расплаты, Алексей...

Не спеша закатываю рукава белой рубашки, молча, глядя ему в глаза. Сколько раз, он, вот так, оставлял меня здесь, один на один с очередным приговоренным, оставаясь там, снаружи, за дверью...

Но теперь он – мой гость!

Осознание этого факта вызвало мою дьявольскую полуулыбку, которая, лишь слегка, тронула губы, но была замечена уже осуждённым мной, от одного вида которой, тот, не сдержавшись, обмочился. Я не обратил на это внимания, потому, что он был не первым. Реакция тела у всех была одинакова, у кого-то раньше, у кого-то позже...

– Ответь мне, это стоило того, чтобы предать меня? – холодно, без эмоций, начал я.

– Где она?

Первое, что я услышал, выходя из помещения, молча прикрывая за собой дверь.

Поднял глаза на говорившего, с трудом приходя в себя, практически не узнавая друга. Сознание возвращалось с трудом, не сразу, разрывая голову дикой головной болью. Прислонившись спиной к двери, я, откинувшись назад, затылком уперся в холодный металл.

Прикрыл глаза, вспоминая говорившего со мной.

Да, я псих, конченный ублюдок, больной на всю голову шизофреник, да, мне нет оправдания, но я никогда и не пытался обелить себя! Да, я готов резать живьем, сдирая кожу лоскутами, с любого, кто сейчас встанет между мной и Лизой, даже, если это буду я сам!

– Не знает... – тихо ответил я. – Действительно, не знает. Только довез до оговоренной с похитителями точки и передал из рук в руки, прихватив в замен, ранее подготовленную, похожую, крашеную девчонку... и Лизину одежду. Все. Его дело было только довести объект до кофейни и вовремя подсунуть мне нужные файлы с камер наблюдения, с изначально выбранными, неидеальными ракурсами просмотра.

– Гази?

Я лишь пожал плечами.

– Не знает.

– Почему же никто, до сих пор, не объявился с требованиями? – продолжал раздражать меня взвинченный ожиданием Сергей. – Ведь, если бы это был Гази, то он бы сразу дал знать о своем, неожиданно полученном, бонусе!

– Сам не понимаю...

Я шумно выдохнул, признавая свое поражение, и медленно стал оседать на пол, сползая по двери, садясь, сгибая ноги в коленях, так и продолжая сидеть,

откинувшись, запрокинув голову, не открывая глаз...

Не хотел никого видеть. Мне просто необходимо было подумать.

Да, времени на раздумья оставалось все меньше и меньше, но ошибаться нельзя – у меня просто не было запаса попыток... Был только один – единственный шанс, который я не упущу.

«Маленькая, только подожди!»

Глава 6

Я шла на поправку.

Мой организм, как оказалось, привык бороться, поэтому регенерировал отлично, приспособляясь к жутким условиям содержания и знойно-жаркому летнему климату Терско-Кумской полупустыни...

То, что Гази увез меня сюда, в Чечню, я узнала не сразу, а только тогда, когда, по истечению времени, смогла выходить из полуподвального помещения, служившего мне камерой. Час или два в день я имела возможность бывать на свежем воздухе, при условии помощи по хозяйству Халиме.

Именно эта женщина была приставлена ко мне с момента моего появления здесь, и только ей я была благодарна за свое выздоровление. Она была немногословна, предпочитая держать со мной дистанцию, стараясь минимизировать наше общение, но я чувствовала ее доброжелательность и сочувствие по отношению к себе.

Саша...

Я старалась больше не думать о нем. Жестокие слова Гази глубоко въелись в мое сознание, росли, плотно пустив корни сомнений по всему моему телу: он не придет...

Постепенно, я стала привыкать к этой мысли, начала учиться жить с ней, не давая ни себе, ни ему ни единого шанса на счастливое будущее. Я перелистнула эту страницу своей жизни.

«Теперь ты – никто! Тебя больше нет.»

Со злостью бросая мне эти слова в лицо, тогда, когда я боролась за жизнь, Гази оказался чертовски прав...

Все вернулось к тому, с чего начиналось: я снова не имела имени, для них я была безликая зудабера*, бесправная, потерянная, забытая всеми, начинающая свою жизнь уже в который раз... пытаюсь выжить в невыносимых условиях затерянного, необозначенного на картах, нищего поселения на границе знойной полупустыни.

Гази просто оставил меня здесь, отдал, продал, подарил... я не вникала.

А есть ли разница? Нужно ли было разбираться, что он сделал со мной?!

Просто взял, и по своей прихоти, из любопытства, перечеркнул всю мою жизнь. Ему захотелось понаблюдать за мной, как за зверушкой в клетке, за мной... и за Сашей. Изучая, забавляясь нашей агонией от невозможности изменить ситуацию, как-то повлиять на нее.

Он не найдет меня...

Я повторяла это себе снова и снова, каждый раз, когда вспоминала о нем. Забивая эти слова в себя, как гвозди, один за одним, наживую, прямо в сердце. Боль от них распределялась по всему моему телу, и мне становилось легче, проще сосредоточиться на этой боли, чем переносить щемящую тоску по нему, не имея никаких перспектив.

Проходили дни, которым я перестала вести счет, а с ними вместе уходили, растворялись в пыль мои надежды на спасение.

– Зудабера!

Услышала, ставшим привычным уху, обращение к себе и обернулась на голос.

Халима подзывала к себе, жестами показывая мне, что время прогулки вышло. Указывая на небо, она предупреждала о скором приближении суховея: горячего сильного ветра, приносящего с собой продолжительную, многодневную засуху.

Я понуро побрела к ней, понимая, что она, также, как и я, человек здесь подневольный, вернее, абсолютно бесправный – женщина... Этим все сказано.

Всем здесь заправлял Ихсан – дальний и давно забытый родственник Гази.

Я старалась быть как можно незаметнее, меньше попадаться на глаза мужской части дома, пряча яркие волосы под платком, выданным мне Халимой. Склонив голову, не поднимая глаз, я быстро прошла по небольшому двору в сторону отведенного мне подвала, когда сильным, резким порывом ветра сдернуло косынку, растрепав распущенные волосы красным флагом, маяча перед сальными взглядами трущихся у дома мужчин.

Слыша их язвительные смешки в спину и, явно похабные замечания, я, собрав рассыпавшиеся кудри рукой, пригнув голову, быстро вошла внутрь, слыша только скрежет закрываемого за мной замка. Оставшись одна, прислонилась к двери, пытаясь отдышаться.

Взоры, бросаемые на меня мужчинами, внушали ужас. Я прекрасно понимала, к чему они могут привести, и обязательно приведут... это лишь вопрос времени. Дыхание восстанавливалось с трудом, мешала духота в подвале. Воздух выходил из легких с судорожными хрипами, пульс грохотал в ушах, вызванный не столько быстрой ходьбой, после продолжительной болезни, сколько волнением и беспокойством от увиденных похотливых взглядов.

Каждый вечер, лежа в темноте подвала, я со страхом, задерживая дыхание, прислушивалась к голосам наверху, в ожидании, пока те не стихнут. Это означало, что сегодня ночью никто не зайдет, меня оставят в покое, мне гарантирован еще один прожитый день без маячившего на горизонте насилия.

Я больше не пугалась темноты, которая окружала меня, глаза привыкали к постоянному сумраку. Подойдя к принесенному мной еще днем тазу с водой, я опустила в него руку, нащупав на дне тряпку и, слегка выжав ее, поднесла к

разгоряченной, обожженной беспощадным солнцем, коже. Нагретая за день вода, стекая по мне каплями, не приносила желанного облегчения, но хотя бы спасала тело от обезвоживания.

Закрывая глаза, я мечтала о холодном душе...

Нет, ледяном! Я хотела, чтобы его струи обжигали меня своим холодом, остужая распаленный, горячим воздухом, организм, принося долгожданную прохладу. Мне хотелось содрать мешавшую, раздражающе-горящую кожу ногтями, снять ее с себя чулком, не имея другой возможности охладить тело.

Услышав за дверью едва слышный скрип, я замерла, медленно отложив тряпку назад, в таз, прислушалась, взволнованно надеясь, что мне показалось. Не двигалась, вся превратившись в слух, задержала дыхание и снова услышала неясный шорох за дверью.

Кто-то явно приближался, стараясь остаться незамеченным...

Я выдохнула, понимая, что так любимые Сашей волосы, сегодня сыграли со мной злую шутку, став последней каплей в полном бокале похоти кого-то из мужчин. Все. Отсрочки больше не будет...

Отошла в дальний угол, забилась, пытаюсь раствориться в темноте подвала, слиться с безликими стенами, обхватив себя дрожащими руками в ожидании неизбежного...

Скрип отпираемого замка...

Дребезжание открываемой двери...

Тусклый свет, попадающий из коридора...

И... мужской силуэт в проеме ...

Сначала он не заходил, пытаюсь найти меня, не привыкшими к темноте глазами, жадно шаря ими по стенам, обнаружив, сделал нетерпеливый шаг внутрь. Рваное дыхание вошедшего выдавало с головой его намерения.

– Зудабера...

Звнящий от похоти голос Ихсана, звучал окончательным приговором, отражаясь от удушливых стен, проникая прямиком в сознание. Но страха я не испытывала, настолько измученная ожиданием насилия, изо дня в день, прислушиваясь к происходящему снаружи и считая шаги по коридору, ведущему к моей двери.

Подойдя ко мне вплотную, нетерпеливыми руками начал шарить по телу, отвратительно причмокивая, сопя, сминая крючковатыми пальцами горячую кожу.

«Борись за себя!» – орало все во мне, – «Делай хоть что-нибудь! Кричи! Выцарапывай себе свободу!»

Но я молчала...

Апатично стояла, позволяя ему лапать себя, пыхтеть от возбуждения, больно сминая мою грудь, но не сделала ни единой попытки отстраниться. Лишь отвернулась от насильника в сторону, но не закрыла глаза...

Я устала быть сильной! Разбитая, сломленная, я понимала неизбежность происходящего сейчас. Если не он, то появится кто-то другой, третий... Для них я не человек.

«Никто» – как назвал меня Гази, бессловесная зудабера...

Как же я ненавидела всех их! Мужчин, которые пользовались своей физической силой, чтобы унижить, втоптать в грязь, готовых растерзать, насиловать, чтобы только удовлетворить свою болезненную похоть. Всех без исключения!

Противно постанывая, он больно хватал меня за одеревеневшие ноги, ощупывая их, оставляя синяки, задира старенькое, застиранное платье, отданное мне Халимой, шарил по голой коже, делая попытки пролезть рукой мне между бедер, но мое, скованное отвращением, тело не пускало его. Мышцы были настолько напряжены, сжаты, как нервы, натянуты тетивой ненависти до предела.

Омерзение!

Меня тошнило, выворачивало от ненависти к себе за бездействие, но уничтожать себя я буду потом...

Чувствовала, как он завозился со шнуровкой подштанников, приспуская их, как касался моих голых ног своим толстым, напряженным членом, и во мне поднималась волна такой, неведанной ранее, ненависти, что я содрогнулась, пропустив через всю себя боль от происходящего, приправленную до краев яростной злобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/gulyaeva_evdokiya/serdce-zverya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)